Кобзон И.

27.11.93

НОВЫЙ ВЗГЛЯД

ЧАСТНАЯ ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА • №46 (97)

Уверенность в завтрашнем дне и надежную защиту от инфляции гарантирует Вам

ФИНАНСОВОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ЭЛАС»

Производим размещение свободных денежных средств организаций и частных лиц на срок от 6 до 36 месяцев под максимально высокий процент:

Минимальная сумма к размещению – 100 тыс. руб.

350% годовых!

Наш адрес: 121099, Москва, 2-й Смоленский пер., 3. (ст. м. "Смоленская"). Телефон (095) 241-8100 (круглосуточно).

Фирма "ЛИДЕР"
ТОВАРЫ ВЫСШЕГО КАЧЕСТВА
по самым низким ценам
1. Корм для собак "ALFA-DOG" (Финляндия).
2. "LIBERO" – памперсы и диперсы (Швеция).
3. Женские гигиенические прокладки и тампоны (Швеция).
4. Моющие средства (Швеция).
Реализуем оптом и в розницу.
Тел. 354-7781.

НЕПРОБИВАЕМЫЙ

Моск. правда. - 1993. - 27 нояб. - с. 3.

Многочисленные монологи, адресованные автоответчику квартиры Кобзона, диалоги с Людмилой Александровной и Варварой, вежливыми секретарями офиса Иосифа Давыдовича... Интервью? С удовольствием, но в настоящий момент ну никак: гастроли, командировки, дела... И все же рандеву состоялось: в раздрызганной "Волге" по тряской дороге на один из загородных концертов Кобзона. Так и разговаривали в пути: полтора часа туда и столько же оттуда.

ВИЛЛА В КАЛИФОРНИИ

– Вы, наверное, к интервью основательно подготовились, но и я, пока суд да дело, на вас досье собрал. В частности, прочитал вашу беседу с Федосеевой-Шукшиной. Откровенно скажу, очень мне не понравился произошедший между вами диалог. Шукшина виновата, что позволила вам вести разговор в такой тональности. Хотя, конечно, спровоцировали все вы. Я, например, не стал бы спрашивать, с кем она спала, кому дала, а кому не дала.

– Спрашивать-то, Иосиф Давыдович, полагаю, журналист вправе обо всем. Рабно как и собеседник волен отвечать или не отвечать на вопросы интервьюера.

– Речь-то совсем о другом. По моему разумению, память священна, о покойниках не говорят плохо, и уж тем более о тех, кто после смерти стал легендой. Зря она так о Шукшине... Я понимаю, читателю интересны интимные подробности, разговор получился откровенный, даже чересчур, вы Федосееву раскрутили, но со мной такой номер не пройдет.

– Ну вот и замечательно. Но я все же попробую.

– Сколько угодно! Что же до Шукшиной, то она могла бы рассказать о том, как я после смерти Васи по просьбе Роберта Рождественского добился, чтобы шукшинских дочерей не открепляли от 4-го медуправления. Девочки были болезненные, слабенькие. Лучше бы Федосеева говорила о хорошем, сделанном другими ради памяти ее мужа... Благородно, красиво.

– Извините, Иосиф Давыдович, я полагаю, мы все-таки не только Лидию Николаевну будем обсуждать, но и к вашим проблемам перейдем? Я попал на какой-то особенный период вашей жизни или это у вас нормальная загруженность?

– Подобный ритм я не считаю нормальным, но, к сожалению, он единственно возможен для меня. И уж поверьте, живу я так совсем не для того, чтобы потом сочиняли легенды о моей работоспособности. И не мои меркантильные соображения всему виной. Просто хочется все успеть. И не хочется ничего бросать. Скажем, не могу отказаться от созданного мною одиннадцать лет назад отделения эстрадного вокала в Гнесинке. Выше моих сил пожертвовать творчеством. Раньше на вопрос, не боюсь ли, что бизнесмен победит во мне певца, я всегда отвечал отрицательно. Сейчас же с огорчением вижу, что артисту Кобзону пришлось изрядно потесниться под напором делового человека Кобзона.

– Вы вынуждаете меня задавать банальные вопросы типа: ради чего вам вся эта потогонная система?

– Жизнь такая бешеная мне нравится, я получаю от нее удовлетворение. Конечно, я очень нервничаю, понимаю, что физически самоистощаюсь, но... По-другому не хочу и не умею. И не ищите в этом материальной подоплеки или чрезмерного тщеславия. Из ста дел, которые я проворачиваю за день, лишь процентов десять касаются бизнеса. Остальное – общественные нагрузки, выполнение каких-то просьб, моральных обязательств.

– Когда в конце лета я попробовал с вами связаться, мне ответили: "Кобзон в США". Гастроли?

– Нет, это была деловая поездка к партнерам по коммерческой деятельности, а кроме того – попытка отдохнуть. Здесь это сделать не удается. Не поверите, но я сто лет не был в отпуске.

– Отчего же? Охотно верю. Это многие о себе говорят.

– Нет, я действительно 22 года не ходил в официальный отпуск. Бывают, конечно, такие паузы, когда на два-три дня берешь тайм-аут, но на больший срок дела не позволяют расслабиться. Поэтому я и решил на этот раз в августе отправиться за океан – в надежде, что хоть там не достанут. Хотелось недельку покупаться и позагорать.

– Ездили с женой и детьми?

– У меня нет другой возможности пообщаться с семьей.

– Небось, загорали на своей вилле во Флориде и плавали на личной яхте?

– У меня нет собственности и недвижимости в США. Напрасно надеетесь, что я стану сейчас из себя бедного изображать: мол, у меня нет денег на покупку всего этого. Не в том проблема. Не нужны мне ни вилла, ни яхта в Штатах. Как, впрочем, и в Австралии или Испании. Я не вижу целесообразности в подобного рода вложении средств.

Когда в Москве открывался салон "Роллс-Ройса", на меня ваши коллеги, как коршуны, накинулись: какую марку я куплю? Журналисты никак не желали поверить, что не стану я ничего брать. Я не автомобилист, не вижу принципиальной разницы между "Роллс-Ройсами" и "Мерседесами" с "Вольво". Для меня все это класс хороших машин.

– Ну а вопрос престижа? Это ведь круто: ездить на суперавто, иметь домик в Майами... Вы же понимаете, речь о визитной карточке, стиле жизни.

– Я не отношусь к тем, кто одевается только у Версаче или Валентино, катается исключительно в "Линкольнах". Мне присущ консервативно-демократичный стиль. Конечно, приятно, когда говорят: какой классный на нем костюм, но специально стремиться к тому, чтобы все было подогнано, – это не для меня. Больше того, мне это претит. Страшно раздражаюсь, когда слышу разговоры соотечественников: глянь, я вчера привез себе комплект от Версаче. Раньше говорили, извините, о бабах или на худой конец о прочитанных книгах, теперь же – о тряпках. Ладно бы женщины рассуждали на эти темы, а то ведь мужики! Убей меня, не понимаю.

Можно, конечно, сказать, что у меня это возрастное: мол, брюзжит старичок, но ведь и в молодости я никогда не гонялся за модой. Главным было, нравится мне вещь или нет, хорошо ли она на мне сидит. Стремление шикануть – для других.

Это же касается моего отношения к приобретению недвижимости за границей. Если бы меня спросили, где бы я купил себе квартиру или дом, без колебаний ответил бы: конечно, в Калифорнии, мне там очень нравится. Сгодились бы и Испания с Швейцарией. Но сразу возникает второй вопрос: нужно ли мне это? Если в году не удается выкроить три-четыре недели для отдыха, то какой смысл заводить виллы и ранчо? Я не могу позволить себе каникулы, дети тоже к заокеанским прелестям абсолютно равнодушны. Они ведь оба учились в США, могли и дальше там оставаться. Нет, вернулись и категорически заявили, что жить в Америке не хотят. Дело, безусловно, не в патриотизме или в высоком чувстве ответственности. Мои дети такие же бредовые молодые люди, как и большинство их ровесников. У них в головах рок, любовь, черт знает что еще. Однако у сына с дочерью есть тормоза, определенно есть. Признаюсь, я очень боялся отпускать Андрея в Америку: еще понравится, а там, глядишь, женится и – пиши пропало. Ничего подобного. Я иногда его даже специально провоцировал, спрашивал, не хочет ли переехать туда. А Андрей в ответ: "В Штатах хорошо отдыхать, а жить – в России". Сын сам к такому выводу пришел, и я очень этому рад.

Мы же с ним года три ругались – из-за его рокерства, патл нечесаных, серег в ухе. И вдруг однажды он является домой постриженный. Я даже опешил, не удержался, спросил, что случилось? Андрей говорит: "Могу я отцу подарок сделать?"

Стал на человека похож, только три дырки в ушах остались, как напоминание о собственной глупости.

Похожая история с Натальей. Я предложил: "Давай куплю тебе в Америке квартиру, я буду к тебе в гости в командировку приезжать". Наташа сказала: "Да не нужна мне там никакая квартира". Так что отвечаю вам абсолютно искренне: ни у меня, ни у членов моей семьи за рубежом недвижимости нет.

Еще один аргумент. Я ведь человек рациональный, эмоциям предпочитающий трезвый расчет. Зачем мне дополнительные проблемы? В загранпоездках предпочитаю останавливаться в хороших гостиницах. Сразу решаются все бытовые вопросы. Живешь на всем готовом. А за домом присмотр нужен. Только лишняя головная боль.

– Отсутствие интереса у ваших детей к вожделенным многими Штатам логично объяснить тем, что вы смогли обеспечить своим чадам американский уровень жизни в России.

– Смотря что понимать под американским уровнем. И за океаном, как вы догадываетесь, живут по-разному. В принципе, у нас действительно есть все, чтобы чувствовать себя комфортно: большая дача, большая квартира на Смоленке. Женятся дети – куплю и им по квартире.

– А пока вы живете вместе?

– Какой смысл им отделяться? Дочке семнадцать, сыну девятнадцать. Рановато, наверное, обособляться. С родителями даже удобнее, обо всем старшие заботятся.

– В таком возрасте свободы хочется...

– Мы с Нелей ничем нашу молодежь не стесняем. Приспичит им устроить дома ночную дискотеку – ради Бога. Все, что требуется, – это нас заранее предупредить. Мы на даче переночуем. Или же наоборот: они на даче – мы в городе. С этим проблем нет. Дети знают, что я не люблю видеть их сборища, поэтому мы давно договорились друг другу на психику не давить.

ПАПА-ЯГА

– Вы строгий родитель?

– Очень. Я папа-яга. Мама все им разрешает, а я гоняю. Неля у дочери лучшая подруга, помогающая сохранять секреты от отца. Мало того, жена сторонница всяких бесовских начинаний у детей. Ей Андреевы патлы нравились, теперь она Наташке по часу макияж наносить разрешает. Я злюсь, кричу, а стоит мне отвернуться, как Неля нарушает воспитательный процесс своими антипедагогическими заявлениями типа: "Классно, доченька, красься дальше. Папа ничего не понимает". В таком антагонизме и живем. Не то чтобы я не улыбаюсь детям или не обнимаю их. Просто все, что мне не нравится, я сразу открыто говорю. Иногда даже... То есть никогда в жизни я пальцем не прикоснулся ни к сыну, ни к дочери, но громким голосом разговариваю, ради их же блага. Видите, Андрей все правильно понял. Надеюсь, и Наташа подрастет и поймет.

– Когда сын решил податься в рокеры и стал барабанщиком у своего тезки Сапунова, вы препятствовать не стали?

– И сын, и дочь всегда тянулись к людям старше себя по возрасту. Сапунов – рок-музыкант серьезный, с опытом, с именем. Зачем же мешать? Единственно, я спросил у сына: "Кто тебя кормить будет?" – "Ты не справишься?" – "Тебя прокормлю, а Сапунова?" – "Его жена кормит". На том и порешили: не стыдитесь быть паразитами – черт с вами. Я дал им студию, возможность работать. Но они очень странные ребята: играют понятную избранным музыку и ловят от этого кайф. Кажется, больше их ничего в жизни не волнует. Правда, с недавних пор Андрей стал заговаривать с моими деловыми партнерами о своем участии в бизнесе. Значит, созрел, раз начал задумываться о материальной независимости от отца. Я все это воспринимаю однозначно: пришло время взрослеть. Ну и замечательно!

– Финансами в доме, само собой, заведуете вы?

– Вообще-то денежная проблема никогда не была центральной в нашей семье. Слава Богу, не случалось такого, чтобы мы с женой прятали деньги. Андрей и Наталья без спроса ни рубля не взяли. Исключено! Они даже стесняются у меня просить, к матери обращаются. Иной раз я сам предлагаю, но дети обычно отказываются. Однажды я не выдержал: "Что ж вы думаете, раз у мамы берете, то это ее деньги?" Не понимают, что все деньги в этом доме мои, мною заработанные.

– Какую-то фиксированную сумму вы определяете, которую можете позволить потратить детям?

– Никаких сумм, берут, сколько надо, но в разумных пределах, конечно. У них ведь, в принципе, нет особых трат. Не пьют, не курят, о наркотиках я и не говорю. Я даже не хочу произносить это слово.

– Этого нет и не было?

– Никогда. Они в жизни не выкурили ни одной сигареты. К спиртному равнодушны. Нормальные ребята.

Мне ваши коллеги любят задавать вопрос: "Пользуются ли ваши сын и дочь фамилией отца?" Я всегда говорю: "Нет".

– Зачем пользоваться? Фамилия сама за себя работает.

– Это конечно. Но ведь можно дополнительно накрутить столько, такого крутого из себя изобразить!

Мне очень нравится услышанный недавно анекдот о русских бизнесменах. Варятся два яйца и ведут диалог: "Для того, чтобы стать крутыми, обычно нужно пять минут. Мы же с тобой всего минутку поварились, а уже такие крутые! Надо же!"

Сейчас таких крутых – хоть пруд пруди. Еще сделать ничего толком не успели, а уже "мерседесы", дачи, навороты. Я не хочу, чтобы и мои дети такими же стали. Я неоднократно брал Андрея и Наташу с собой за границу, но не для того, чтобы они потом хвастаться этим могли, а чтобы мир посмотрели.

– Вас послушать, получается, вы собственные чада в черном теле держите.

– Не в черном теле, а в строгости.

– Ну вот, к примеру, у Андрея есть персональное авто?

– Маленький "Фольксваген". Куплен на мои средства после многочисленных истерик матери. Она меня такими аргументами убеждала: "Ты посмотри на своего сына, идиота. На эти серьги, на его патлы. Шляется по ночным дискотекам, ему какие-нибудь любера в темном переулке точно голову оторвут". Действительно, пару раз сын попадал в драки из-за того, что кому-то не нравилась его хипповая, лабуховская внешность.

– Валюту детям даете?

– Зачем она им? Одежду, все необходимое мы с женой сами покупаем – ударную установку, гитару Андрею, музыкальный центр Наталье. Правда, дочка – девушка с запросами. Если втемяшит себе что-то в голову, переубедить трудно. Недавно сходила к кому-то в гости, увидела последнюю модель японской аудиоаппаратуры и давай меня атаковать: купи. Я быстро все точки расставил: "У тебя же "Сони" за тысячу долларов, еще года не прошло, как взяли. Без новой техники пока поживешь".

– Слышал, Наташа за рубежом учится.

– Училась. Год прожила в Америке, где довела свой английский до совершенства, а потом перебралась в Европу. В Бельгии дочка занималась немецким, испанским, французским и фламандским языками. Мы с Наташей рассудили: знание языков – это верный кусок хлеба.

Сейчас дочь должна была бы ходить в 12-й класс. Но в начале октября Наташа экстерном сдала в Бельгии выпускные экзамены и с дипломом вернулась в Москву, заявив: попутешествовала по заграницам, самое время продолжить учебу в России.

– Но ведь у вас, кажется, были иные планы?

– Да, предполагалось, что следующим летом Наташа поедет на стажировку в испаноязычную или франкоязычную страну. Во всяком случае, я думал, дочка предпочтет получать образование за рубежом. Есть на то вполне прозаическая причина. Наташа не может забыть эпизод, случившийся с ней в московской школе, когда директор за шкирку выкинула Наташу из класса за то, что та была одета не по форме. Позже, выяснив, что это пострадала дочь Кобзона, администрация школы пыталась принести мне извинения. Но что сделано, то сделано...

Как бы там ни было, я только рад решению Наташи изменить первоначальные намерения и вернуться домой. Нам с Нелей будет спокойнее.

– А куда Наташа собирается поступать?

– В Московский юридический институт.

– Чтобы стать адвокатом и защищать папу от возможных наездов?

– Надеюсь, до этого не дойдет. До адвокатских услуг родному отцу.

– Мы отвлеклись от темы зарубежья. Сын ваш по какой причине в Голливуде оказался?

– Просто проходил годовую стажировку. Заодно и язык учил. Но Андрей говорит по-английски, конечно, хуже сестры.

– Однако лучше вас?

– У меня времени нет. Хотя я легко начинаю говорить на любом языке, нужно только немного попрактиковаться. Достаточно месяц пробыть в стране, чтобы уверенно объясняться с итальянцем, испанцем, американцем. Очевидно, это связано с музыкальными способностями – слух меня выручает. В совершенстве же я, кроме русского, владею еще украинским.

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС И НЕ ТОЛЬКО

– Не могу придумать, как бы к этой теме подступиться, поэтому, извините, вопрос в лоб: вы никогда фамилию сменить не хотели? Сегодня, когда вас все знают, Кобзоном быть почетно, но прежде столь ярко подчеркивать свою национальную принадлежность...

– Никогда мне и в голову не приходило замаскироваться, спрятаться за псевдонимом... Был, правда, один случай в декабре 59-го года, когда я впервые вышел на сцену в дуэте с Виктором Кохно, и Аркадий Ильич Островский, царствие ему небесное, не предупредив меня, вдруг объявил: "А сейчас выступают Виктор Кохно и Юрий Златов". Мы отпели, я подхожу и спрашиваю: в чем дело? Аркадий Ильич и говорит: "Отныне на эстраде ты – Юрий Златов". Я искренне изумился: "Почему?" Островский даже рассердился: "Не строй из себя наивного! Ты же понимаешь, я ведь тоже не Аркадий, а Абрам. С такими именами и фамилиями, как у нас, на эстраде ничего не добиться". Но я категорически заявил: "Не могу и не хочу обижать свою мать, поэтому от собственного имени никогда не откажусь".

Кроме того, ведь не помешали фамилии Рихтеру или Ростроповичу стать теми, кем они стали.

– Может, вся изюминка в том, что стать они стали, но не благодаря фамилиям, а вопреки?

– Эк вы копнули...

– Не будете же вы, Иосиф Давыдович, утверждать, что ни разу не сталкивались с проявлениями антисемитизма?

– Антисемитизм – это уже идеология. Хотелось бы избежать категоричности, поэтому сформулируем помягче: сталкивался ли я с проявлениями нелюбви к евреям? Конечно же! И сейчас продолжаю сталкиваться. Но у меня нет оснований говорить о целенаправленной политике государства именно по отношению к представителям этой национальности. Посмотрите, что происходит с армянами, грузинами или азербайджанцами. Разве сравнимо это с антиеврейскими проделками Дмитрия Васильева и его команды?

– Вы углубляетесь в глобальные проблемы, а я подразумевал ответ на конкретных примерах из вашей жизни.

– Полагаете, об этом приятно вспоминать? Каждый такой случай меня очень задевал, обижал, и я пытался предпринять ответные шаги, как-то защитить себя. Впрочем, будем откровенны: никто ведь не без греха. Скажите, вы никогда в жизни не произносили слово "черножопый"?

– Иосиф Давыдович, опять мы не о том. Вы родом с Украины, я оттуда же. Мы оба знаем, что в украинском языке даже нет слова "еврей", его заменяет "жид".

– Ну и что? Это нормально. Так и поляки говорят, и венгры. А украинцы, например, называют русских москалями, русские украинцев – хохлами. И что?

– Вы не хотите меня понять или делаете вид, что не понимаете: не в слове дело, а в том уничижительном смысле, который в него вкладывается.

– К какому ответу вы меня подталкиваете? Зачем вы меня провоцируете?..

– Мне в руки попал список годового собрания пайщиков акционерного общества "Московит", которое вы возглавляете. Абербах, Гликлад, Котляр, Лезник, Рошаль, Файнберг, Фельдман... Прокомментируете?

– Ну, несколько евреев, зато в моем профессиональном музыкальном коллективе нет ни одного представителя этой национальности. Так получилось. Никакого сознательного умысла.

...Знаете, за что я не люблю журналистов? Вы не оставили в себе доброты, вам нужен скандал, жареные факты. Как говорится, если уж пожар, пускай сгорит на репортаж в двести строк, а не на коротенькую информашку.

На себе я сполна ощутил недобросовестность и предвзятость ваших коллег. Я судился с двумя московскими газетами. И что? Как с гуся вода... Был случай, когда ко мне за уши притащили оболгавшего меня журналиста. Я не выдержал: "Набить тебе рожу, чтобы впредь было неповадно врать?" Несчастный щелкопер стал что-то мямлить, оправдываться. Испугался. Не знал, бедняга, что вопреки распускаемым обо мне слухам я противник физических разборок. Последний раз я дрался 19 лет назад. Моя супруга была беременна, а к ней в троллейбусе пристал маньяк. Я кое-что ему объяснил. Всё, это последний случай рукоприкладства в моей практике.

– Может, просто с той поры вы в троллейбусах не ездили?

– Я и в тот раз не ехал. Жена рассказала мне о случившемся, приставший был человеком известным, поэтому я нашел его и прямо при свидетелях избил его.

Дерутся только дураки. В моем арсенале есть иные методы. Бывает достаточно одного слова, чтобы человека перестали пускать в общество, перед ним закрылись многие двери. Это куда серьезнее физической расправы. Хотя, не буду врать, бывают ситуации, когда очень хочется сорваться и заехать кое-кому в ухо. Есть люди, заслуживающие подобного отношения.

– Я обратил внимание, что публично о вас плохо говорят крайне редко и неохотно. Уважают или боятся?

– Чего бояться-то? Мне пятьдесят шесть лет, охраны у меня нет. Личное оружие было, но потом мне предложили его сдать, что я без особого восторга и сделал. Для кого я могу угрозу представлять?

– Иосиф Давыдович, опять игра в поддавки пошла...

– А вы жаждете разговора о пресловутой кобзоновской мафии?

– И об этом тоже. Но сначала с оружием и телохранителями давайте закончим.

– О чем тут говорить? Если решат убить, то уже никто не спасет. А все остальное – драгоценности, тряпки... Их охранять... Я всегда просил свою семью: если на вас нападут грабители, отдайте все, что скажут. Нет ничего дороже человеческой жизни. Эту азбучную истину я давно уяснил. Когда слышу: ограбили квартиру, угнали машину, меня это не очень расстраивает, а вот если убийство или изнасилование... Это страшно.

– И все-таки: на вашу собственность когда-нибудь покушались?

– Не было такого.

– Может, все же боятся связываться, опасаясь последствий?

– Склонен думать, что в основе отношения ко мне всех, в том числе и уголовников, лежит уважение.

– Полагаете, уважение остановило бы матерого рецидивиста, увидевшего на вашей руке этот золотой "Картье" с бриллиантами?

– Ношу пока, как видите. Кстати, такие часы стоят минимум 20 тысяч долларов, мне же они обошлись дешево: я взял их всего за две тысячи зеленых. Потому что копия, сделанная на заказ.

– Иосиф Давыдович, не удивитесь, если спрошу, есть ли у вас свой парикмахер?

– Что тут удивительного? На протяжении уже 19 лет я пользуюсь услугами одного и того же мастера.

– Собственно, такими окольными путями я к следующему вопросу подбираюсь. Спросить-то я хотел не о парикмахере, а о парике.

– А я и не скрываю, что пользуюсь накладкой.

– Без нее на людях не появляетесь?

– Никогда. Считаю это неэстетичным.

– Даже на пляже?

– Даже на пляже.

...Ну поймите, за годы это стало естественной необходимостью, привычкой. Как говорится, без всего меня видит только самый близкий человек – моя Неля.

ВСЕНАРОДНЫЙ АРТИСТ

– Почему на концерт вас продолжают представлять как народного артиста СССР?

– Потому что я горжусь этим званием. Я был шестым эстрадным артистом, удостоившимся его. Передо мной идут Леонид Утесов, Клавдия Шульженко, Аркадий Райкин... Корифеи! Бернесу месяца жизни не хватило для получения звания. Представляете? Каково Пугачевой, Ротару, Пьехе, Кобзону стать народными после таких людей? Повторю: по-моему, эта награда свята. Из-за того, что какие-то политики взяли и развалили Советский Союз, звание народного артиста СССР не утратило для меня своего значения.

– Вот мы и до политики добрались.

– Я свои взгляды не скрываю. Да, я был народным депутатом СССР, состоял в КПСС. И, кстати, последний раз членские взносы уплатил в октябре 91-го, хотя многие успели к этому моменту публично отречься от прежних убеждений и даже устроить аутодафе со сжиганием партбилетов. Я ничего подобного делать не стал, не в моих это правилах, не люблю я быть в толпе.

– И тем не менее вас упорно числят мастером политической конъюнктуры. Скажем, если раньше вы ходили в хороших знакомых с Горбачевым, то теперь, наверное, открещиваться станете?

– Вам так и хочется меня примитивом выставить. С Михаилом Сергеевичем я продолжаю поддерживать ровные отношения.

– А с Борисом Николаевичем знаетесь?

– Я давно не ищу обласканности от сильных мира сего. Были Никита Сергеевич, Леонид Ильич, Михаил Сергеевич. Одних сменяют другие. Политики приходят и уходят, а Кобзон остается Кобзоном. Я обрел имя и популярность в начале 60-х, когда нынешние политики еще и не помышляли о карьере. Да, сегодня вместо одного министра назначили другого, такие рокировки во власти правителей. Но ведь голос Кобзона можно заменить только голосом Кобзона. Или же вообще закрыть меня на веки веков. Но поздно! Поезд ушел, ничего они не смогут со мной сделать.

Я готов сказать вам открыто: несколько месяцев назад у меня был очень неприятный разговор с одним из руководителей МВД России. Меня пытались шантажировать, намекали на кучу собранного компромата. Я сказал: "Если есть что-то, арестовывайте, а нервы себе беспричинно мотать не позволю". А мне ответили: "Было бы у нас десять Кобзонов, одного бы точно посадили". Представляете? Неприкрытое хамство! Зависть людей душит, не могут, понимаешь ли, спокойно смотреть на то, что я позволяю себе жить, не оглядываясь по сторонам. Проще всего навесить на непохожих ярлыки, назвать того же Кобзона мафиози. А я с мафией общаюсь так же, как и с министрами – на принципах морали и чести. Поэтому хамам я отвечаю по-хамски. В МВД я тогда сказал: "В гробу я вас всех видал!" Мне бояться нечего. Сколько комиссий, проверок ко мне засылали! И что? Пшик!

МАФИЯ МАФИИ РОЗНЬ

– И тем не менее ваше имя по-прежнему продолжают связывать с могущественными мафиозными кланами. Я, например, верю в народную мудрость, утверждающую, что нет дыма без огня, а вы верите?

– С представителями преступного мира я впервые столкнулся в 1961 году, когда вместе с Александрой Пахмутовой и другими артистами мы плыли на пароходе по Ангаре. Там вырубкой леса зеки занимались. После я пел в лагерях на Дальнем Востоке, в Заполярье. Думаю, далеко не все артисты это делают. А я со многими заключенными беседовал, иногда подолгу. Кстати, есть и в этой среде весьма порядочные люди, этакие Робин Гуды, беспрекословно следующие своеобразному своду законов. Впрочем, это тема отдельного разговора. Сейчас же я могу со всей определенностью и ответственностью сказать, что никаких деловых и прочих отношений с мафиозными структурами не имел и не имею.

– Но вы же не станете отрицать, что у вас немало знакомых среди воровских авторитетов?

– Конечно, не стану.

– И если вы им свистнете, то...

– Зачем мне им свистеть? Кто посмеет со мной выяснять отношения таким образом, чтобы потребовалось вмешательство крутых ребят?

– Как на мое дилетантское суждение, мафия включает в себя не только качков, но и людей в двубортных пиджаках. Именно последние и верховодят, или я ошибаюсь?

– Если вы хотите знать, главари мафии сами в растерянности от беспредела, творящегося на улицах наших городов. Вся эта наркота, проститутки, сутенеры и прочая шваль... С подобной саранчой так называемые серьезные преступники пытаются бороться, правда, не всегда успешно.

Кстати, недавно у меня был серьезный разговор с воровскими авторитетами. Говорю: "Я же на вашем жаргоне фраер". Те подумали и согласились, хотя и сказали, что называть меня этим словом не хотят.

– Я продолжу. Часть слухов относительно вашей персоны связана с Афганистаном. Но, как вы понимаете, речь не о концертах, а о наркотиках.

– Это что-то новенькое. Раньше ограничивались сплетнями о спекуляции дубленками.

Да я наркотики на дух не переношу! Известно, что многие актеры покуривают травку. Однажды меня обманули и подсунули сигаретку. Мне потом весь вечер плохо было.

Впрочем, я ни перед кем оправдываться не собираюсь. Повторю то, что говорил в МВД: предъявите мне доказательства. За руку меня никто не ловил. Может, кого-то и удивляет, что я девять раз ездил в Афган. Ну как объяснить людям, что для меня наркотиком были наши воины-афганцы?

Кстати, правительства Колумбии и Боливии сейчас предложили мне быть их почетным консулом, представлять культурные интересы в России. Получается, мне теперь совсем конец, ведь эти две страны – известные поставщики наркотиков. Скажут, что Кобзон расширяет географию, Афганистана уже мало.

– Слышал, что однажды в Афганистане была ситуация, когда вы находились на грани самоубийства.

– Эту тему я ни с кем обсуждать не буду. Извините.

– Хотя бы ответьте, был ли это единичный эпизод в вашей биографии?

– Да, это случилось в первый и последний раз.

СЛУХАМИ ЗЕМЛЯ ПОЛНИТСЯ

– Несколько вопросов вразброс. Вы не испытываете дискомфорта из-за того, что вам, народному артисту СССР, приходится презренного металла ради петь по брайтонским ресторанам?

– Я себе цену знаю. Меньше, чем за тысячу долларов я выступать не буду. И потом, имейте в виду, что в ресторанах петь совсем не зазорно. Кстати, лучший ресторан мира, по-моему, находится в Москве. Это "Серебряный век". Дизайн интерьера, сервис, а кроме того, там каждый вечер семь концертных программ. Такого себе никто не в состоянии позволить. Ресторан – это совсем не публичный дом, звезды первой величины всегда пели в ресторанах. Хотя, откровенно говоря, мне больше нравится выступать в концертных залах.

– Иосиф Давыдович, правда, что вы собирались ГУМ купить?

– Поинтересуйтесь об этом у своего коллеги из "Комсомольской правды", запустившего эту утку. Спросите у него, слышал ли он в своей жизни столько матерных слов, сколько я ему выдал. Все, что знал грубого, я сказал.

– Сердитый бы.

– Я предложил: "Если у тебя еще что-то шевелится в штанах, давай по-мужски разберемся. Побоишься ведь. И Фронин, редактор твой, побоится, потому что он такая же проститутка, предал афганское братство, позволив тебе эту ложь напечатать". В общем, выписал я щелкоперу по первое число. Честное слово, попался бы мне он под руку, убил бы, не пожалел. Я быстро отхожу, но в тот момент в живых этого вонючего негодяя не оставил бы.

– А может, зря вы нервничали? Журналист хотел новость сообщить и малость ошибся.

– Хороша ошибочка! Людям жрать нечего, а тут какой-то толстосум, к тому же еврей, ГУМ покупает, историческое место! Специально, что ли, написали, народ против меня настроить хотели?

– Рискую и на себя навлечь ваш гнев некорректными вопросами и все же: Иосиф Давыдович, вы, говорят, крепко выпивали?

– В 1971 году у меня случилась алкогольная аллергия. Стоило рюмку водки или виски пропустить, и сразу начинался отек легких. С тех пор крепкие напитки не употребляю – только пиво, шампанское, сухое вино. Курить, правда, курю, уже больше сорока лет.

– О своих браках вы распространяетесь неохотно.

– 22 года я женат на Неле и вполне счастлив. А до этого было всякое. Сначала Вероника Круглова. Потом Людмила Гурченко... Три года с Люсей вообще за десять можно засчитывать. Но несмотря ни на что я благодарен Людмиле. За все.

– Сейчас вы с Людмилой Марковной отношения поддерживаете?

– Нет. По ее инициативе. Я пытался. Помню, лет через пять после женитьбы на Неле я попробовал поздороваться с Люсей на каком-то из концертов. Ту прямо перекосило: "Ненавижу!" Я только и сказал: "Значит, любишь, дурочка".

...Вообще-то концовку беседы я собирался сделать иной. Но при визировании текста Кобзон настоял на изменении очередности вопросов. Пробить непробиваемого? Я порылся для приличия, а потом решил: пусть читатель помучается, гадая, какую такую тайну Иосиф Давыдович захотел упрятать поглубже?

Андрей ВАНДЕНКО.